А.С.Демин

ПУТЕШЕСТВИЕ ДУШИ ПО ЗАГРОБНОМУ МИРУ

(В древнерусской литературе)

Данная статья посвящена древнерусской литературной эсхатологии. Об этом предмете опубликовано совсем мало работ, притом они очень старые, а излагается в них преимущественно содержание эсхатологических памятников (*См.: Сахаров В. Эсхатологические сказания и сочинения в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879; Батюшков Ф. Сказания о споре души с телом в средневековой литературе // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1890. Сентябрь*). Предлагаемая же статья рассматривает эволюцию эсхатологических картин в древнерусской литературе с XI по XVII вв.

Эсхатология делится на две большие части. Одна часть - о душах отдельных людей, о рае и аде для душ. Другая часть - о всем человечестве, Страшном суде, о судьбе всей Земли. Данная статья придерживается только первой темы - о душах, рае, аде. Изображение Страшного суда не рассматривается, оно не содержит мотива путешествия.

Не Библия была первым сочинением, открывшим загробное путешествие для Руси, но ряд сравнительно небольших переводных произведений. Они - основа данной статьи. Большинство переводных источников текстологически не изучено, приходится опираться на старейшие списки памятников, а иногда на поздние, но зато не дефектные списки.

"Видение Исаии"

В уникальном пергаменном "Успенском сборнике", датируемом концом XII - началом XIII вв., переписан один из древнейших переводных апокрифов "Видение, еже виде святыи Исаия пророкъ сынъ Амосовъ".

Эсхатологические сведения как торжественные, потрясающие преподносились апокрифом. Рассказ вел крайне почитаемый человек - библейский пророк Исаия, который запросто пришел к цесарю Иудеи, поцеловал его, сел на царский одр и начал говорить не наедине перед цесарем, но публично. Перед сидящим пророком стояли князья, царские советники, священнослужители. Сидели еще лишь другие пророки, справа и слева от Исаии, но затем они преклонили колени, уже в такой позе продолжая слушать.

Речи Исаии даже страшны. Исаия вдруг заговорил другим голосом. Окружающие поняли, что им вещает святой дух. Затем Исаия внезапно замолчал, очи его были отверсты, но он никого не видел. Пророки уразумели, что Исаию посетило видение (*Успенский сборник XII—XIII вв./ Издание подготовили О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон. М., 1971. С. 169, стб. 2—с. 170, стб. 1*).

Сокровенные знания изложил пророк. Исаия пришел в себя и поведал, но уже не всем присутствовавшим, а только цесарю, цесаревичу и пророкам о том,

что увидел на небесах. Апокриф предупреждал, что подобное видение невозможно видеть никому, ни до Исаии, ни после него, а содержание видения нельзя возвещать народу, только избранным (*172.1, 176.1–2*).

Вознесся на небеса не Исаия во плоти. Он ведь потом вернулся в свое тело, в свою плоть, возвратился в свою оболочку, "въ одежю свою". На небесах побывал его "дух", этот "дух" вошел в Исаию извне, "вдуновением", был наслан ангелом (*170.1, 172.1, 173.2, 176.2*).

Понятия "душа" и "дух", по-видимому, различались. "Дух" Исаии, видимо, станет полноправной душой, когда окончательно отлетит от тела. Ангел на небе утешал Исаию, что тот, скончавшись, душой вернется на небо. А пока ангел называл этого "духа" плотским сыном (*176.2*).

"Дух" выглядит иначе, чем душа, на нем еще нет "вышней" одежды (*173.1*).

"Духу" не все разрешено узнать. Он не имеет права знать, как зовут сопровождающего ангела. Имен тех, кто встречается на небесах, "духу" также не дано услышать. "Дух" не все в состоянии увидеть, в чем и признается: "Не възмогъ видети" (*170.1, 173.1, 174.2, 176.2*).

"Дух" Исаии нельзя удостоить статуса души. Когда он молит ангела, желая остаться на небесах, то ему мягко, но непреклонно отказывают: пока не время. А другой ангел даже негодует, чего это на небе появился "дух", которому снова предстоит "въ плъти жити" (*173.1*).

"Дух" изображен призрачным двойником Исаии. У него тоже видно тело - не только очи, но и лицо, и руки: Исаия вспоминает, что, вознося его "дух", ангел взял его за руку. "Дух" передвигается, кланяется, говорит, даже поет, читает письмена, переживает, радуется, удивляется, скорбит, боится, трепещет, ужасается. "Дух" помнит о земном мире (*173.2, 170.1, 172.2, 174.1–2*).

"Дух" напоминает паломника по святым местам, которого водит специально посланный сопровождающий, тот, кого называли "вож". "Дух" доволен, что сопровождающий оказался кротким и предупредительным, а следующий "вож" обещан еще лучшим. "Дух", как и положено паломникам, расспрашивает "вожа", лишь созерцает показываемое, но не вмешивается в события, хотя в общих церемониях участвует, занимая скромное место.

И все же это неординарный паломник, которому соответственно придан неординарный сопровождающий, - не рядовой ангел, но ангел с вышнего, седьмого неба, не кланяющийся низшим ангелам. И конечно, этот паломник - не человек, а "дух" человека, легко восходящий "на высоту", "на въздухъ", "на аеръ", передвигающийся как-то неопределенно, но мгновенно с места на место (*170.1, 171.1–2, 173.2*).

Загробный мир нечетко описан в апокрифе. Как можно понять по тексту апокрифа (а переводной текст не всегда вразумителен), для того, чтобы попасть в загробный мир, надо было двигаться сначала на восток, потом вверх. Загробный мир делился на ярусы. Первым следовал "воздух", очевидно над землей. Затем - "твердь", а выше небеса. У шестого неба отмечено два яруса: "воздухъ шестаго небесе" как преддверие неба, а после - само шестое небо. То же и у седьмого неба: "аеръ седьмаго небесе" и небо само. Кроме того упоминался ад, место которого не обозначено: где-то под "твердью" (*170.1, 171.2, 173.1–2, 176.1*).

Небесные ярусы как бы сплющены. Расстояния между небесами не определены, равномерны и не велики. Каждое небо простирается преимущественно горизонтально вширь. Чем выше небо, тем дальше оно простирается, занятое ангелами. На пятом небе их "легеоны бещисльны", "непроходимыхъ силъ тьмы", то есть неисчислимое множество. На седьмом небе их еще больше, во главе их - архангел Михаил, они кланяются Господу, сыну Божию, ангелу "духовному", святому Духу (*171.2, 173.1, 174.1*).

Небеса образуют колоссальную лестницу. Все небеса видны с седьмого неба. Нижняя, так сказать, перекладина - это "твердь", где воюет сатана и ополчение его (*170.2, 175.1*).

Загробный мир, являющийся Исаии, изобразительно беден и однообразен. У каждого неба есть врата, а при вратах - стерегущие. На каждом небе - толпы разных ангелов стоят слева и справа вокруг престола. На шестом небе нет престола, а ангелы уже все одинаковы, "имеаху единъ възоръ". На седьмом небе стоят престолы, лежат одежды и венцы, приготовленные для праведников (*172.2, 175.2*).

Все пребывает в напряженной связи друг с другом. Пение, раздающееся на шести небесах, доносится до седьмого неба. На седьмом небе находится книга, куда записываются дела каждого человека, ничто, произошедшее на земле, не утаится на седьмом небе. Происходящее каким-то образом отражается и на "тверди" ("яко же есть на земли, тако есть и на тверди"). Сын Божий, проходит все небеса до "тверди", а потом снова восходит наверх (*170.2, 174.1, 175.1*).

Такова была стройная и цельная эсхатологическая картина, с которой первоначально могла познакомиться Русь.

"Хождение Агапия в рай"

Этот второй апокриф о рае, переписанный в "Успенском сборнике", служит дополнением в "Видению Исаии", рассказывая о человеке менее значительном, чем пророк Исаия - об игумене Агапии. Повествование в "Хождении" не несет налета торжественности и таинственности. Агапий не произнес торжественную публичную речь, но записал свои впечатления в одиночестве, не запретил распространять написанное им, но заповедал противоположное - "чтение се" читать во всех церквях (*473.2*)

Агапий в самом деле посетил рай, "походи места Господня". В том его уверил сам Бог, который представился Агапию и пояснил, какие места вокруг него: "Азъ есмь господь Бог, творець небу и земли... Места же си раиская суть". Другой персонаж подтвердил: "Аз есмь Илия Тезвитенин... съде живу... древа раиская" (*469.1, 471.1, 473.1*).

Рай, описанный в апокрифе, находится где-то на земле. Чтобы попасть в него, не нужно возноситься в небеса, но достаточно переплыть море на корабле, очутиться, вероятно, на каком-то острове (который покинуть можно тоже только кораблем).

Этот рай как земное поднебесье упоминается в апокрифе. Обитатели рая, как сказано в апокрифе, с земли воссылают славу на небо. Агапий в раю падает ниц на землю. Илия Тезвитенин вспоминает о том, что Бог вознес его в

колеснице, благословил его под небом, но потом спустился ("сниде"), посадив Илью уже не на небе, а в земном раю (*469.1—2, 470.2, 471.1*).

Земной рай - не простое земное место. Дорогу туда сообщает Бог избранному человеку, которого сопровождают и ведут чудесные существа. В раю - все красивое и яркое, разнообразное и ослепительное, невиданное и несказанное. Агапий видит Иисуса с двенадцатью апостолами, окруженного многими человеческими лицами (херувимами и серафимами), а также птицами. В центре рая - неземное сияние (*469.1, 470.2*).

Но в целом - это покойное место, где люди могут отдыхать, "испочивъ от труда". Райский остров покрыт роскошным лесом, напоминающим сад-"ветроград" (так называет его Агапий). На цветущих и плодоносящих деревьях щебечут и поют птицы; узкая стежка ведет вглубь острова, к молельне, окруженной высокой стеной с маленьким оконцем; внутри молельни возвышается огромный крест; а неподалеку от молельни приготовлены одр, стол с белым хлебом и колодец со сладостной водой.

Душ в раю не много, рай представлялся малонаселенным; редко, когда там кто-нибудь встретится (*468.1—2, 469.2, 470.2—471.1*).

Человек во плоти, посетивший рай, остается чуждым раю. Агапий не мог увидеть душ людей ("живъ человекъ не можеть видети душь человечьскъ"- *471.1*), поэтому вместо душ увидел виноградные гроздья (души, объясняет ему Илия,- "тобе явилы ся грьздовиемъ"). Поэтому Агапий не узнал ни Христа, ни двенадцати апостолов, ни Илию Тезвитянина. Они называли себя, а Агапий видел лишь, что ему встретились то "великии мужь", то мужи в белых ризах, то "человекъ старъ". Агапию постоянно приходилось спрашивать: "Господи, съкажи ми, чьто се, еже вижю?"

Очарованный местом, куда он попал, Агапий восклицает: "Да не излезу из древъ сихъ, нъ да сде съконьчаю живот свой!" Агапия, несмотря на его желание остаться, выпроводили из рая (*468.2, 469.1—2, 470.2*).

Таковы две разные эсхатологические картины, с которыми могли познакомиться древнейшие читатели: одна - грандиозная картина загробного мира в "Видении Исаии", другая - идиллическая картина полузагробного места в "Хождении Агапия".

"Хождение Богородицы по мукам"

Еще одно переводное эсхатологическое произведение, которое читали с глубокой древности, это "Хождение Богородицы по мукам". Оно переписано в пергаменном "Троицком сборнике" XII-XIII вв.

Апокриф рассказывал о том, как Богородица осмотрела ад. В аду мучились не грешники, а души грешников: "Многи душа пребвають въ месте семъ". Богородица "видела, како ся душа мучать" (*Памятники литературы Древней Руси: XII век / Текст памятника подгот. М.В.Рождественская. М., 1980. С. 166, 168*).

Душа представлялась сохраняющей телесную внешность человека. У нее имелись ноги, и за них можно было вешать. У души различались талия, грудь, шея, голова, темя, поэтому видно было, как постепенно погружаются души в огонь: одни до пояса, другие по пазуху, третьи до шии, а четвертые "до верха". Душа в аду обладала лицом, с очами и устами, в которых то кипели змеи, то

пылало пламя. Иногда в устах виднелись зубы, которыми скрежетали. Язык тоже был у грешной души, за него подвешивали или палили огнем. Все тело сохранялось до мелочей, даже ногти на руках и ногах, за которые цепляли, подвешивая за них несчастную душу. Всегда ясно было, мужчиной или женщиной является душа (*170, 172, 174, 176*).

Души сохраняли внутренние свойства живого человека. Из души мужчины хлестала кровь. Души чувствовали жжение огненной реки. Душа мыслилась дышущей: если душу подвергали изощренному мучению, то она "не можаше воздохнути". Души часто кричали и вопили.

Души не потеряли память. Они помнили, что Сын Божий приходил на землю; что с тех пор, как они в аду, их никто не посещал до Богородицы.

Души остались такими же грешными, какими являлись на земле. Например, апокриф с досадой утверждал, что не только язычники на земле, но и их души, попавшие в ад верят в идолов: "И доселе мракомъ злымъ содержими суть. Того ради зде тако мучатся" (168).

Однако души не полностью дублировали человека, когда-то жившего на земле. Души в аду представлялись более обезличенными. На них уже не было одежд. Конкретные личности оказывались неузнаваемыми. Распознавалась лишь их прошлая корпоративная принадлежность, да и то после пояснений архангела, характеризовавшего скопления грешников: "вот,- показывал архангел Богородице,- плохие попы, вот - плохие патриархи, вот блудливые черницы и попадьи, вот ростовщики, клятвопреступники, клеветники, разбойники и убийцы; вот евреи, которые мучили Иисуса Христа; вот людоеды и т.д.

Души в апокрифе изображены неподвижными. Они не ходят, не передвигаются как-либо иначе, даже не стоят на ногах. Чаще всего они погружены в огонь, находятся в подвешенном состоянии, или действительно висят.

Души мучимы, но, в сущности, неуязвимы. Души не сгорали, иногда лишь язык скручивался от жара, но тела всегда оставались целыми: "мучатся на векъ" (*172*).

География ада в апокрифе неотчетлива, оттого что неотчетлив маршрут хождения Богородицы. Богородица молилась на горе Елеонской, перед ней с юга отверзся ад. Но потом в тексте начинаются неясности. Сообщается, что Богородицу ангелы повели на юг. Значит, спустили с горы, затем, очевидно, нырнув под землю, полетели вглубь ада (*168, 170*).

Неясность изложения усиливается. Сообщается, что ангелы повели Богородицу на север. Но не понятно, как Богородица повернула на север: пошла назад или продолжала спускаться вниз. Из изложения следует лишь, что Богородица дальше зашла на север, чем на юг, и, следовательно, северная часть ада была протяженней.

Затем Богородица повернула на запад. Опять не ясно, как это произошло. Сказано невразумительно: "изведоша пресвятую отъ востокъ на левую страну" (*176*). При чем тут восток? Богородица с севера пошла на запад. Но немного ходила, словно западная часть ада была наименьшей.

С запада Богородица вознеслась на небо, на восток, в рай, путешествие окончилось.

Неясность географического пространства ада, по-видимому, намеренна. В апокрифах обычно неотчетливы подходы к загробному миру, маршруты по загробному миру, расстояния преодолеваются во сне, или в видении, или в чудесном полете.

Богородица все путешествие передвигалась над адом, над его поверхностью, не касалась никого и ничего, что видела в аду. Высота ее полета, пожалуй, менялась. То она смотрела с огромной высоты, и скопища грешников виднелись, как мельчайшие горчичные семена. То она как бы подлетала вплотную, и отдельный грешник виделся крупным планом, даже его зубы и ногти.

Ад многонаселен. Его пространство заполнено не только грешниками, но и ангелами. Ведь к каждому виду мучений, которым подвергают массы грешников, приставлено по наблюдающему ангелу.

Главные стихии ада - тьма и огонь, главная часть адского ландшафта - огненные реки, текущие во тьме по адской "земле". Одна река - кроваво-красная. Другая река - смоляная, бурная, клокочущая, "яко въ котле", с большими огненными волнами, река очень глубокая: погружает грешников на глубину 1000 локтей. Есть в аду и огненное озеро. Всюду разбросаны также отдельные огненные очаги (*174, 176*).

Предметный мир ада пустоват, даже беден. Апокриф однажды упоминает "одры" и "столы", то есть постели и противни, на которых лежат грешники, постели и противни тоже огненные, в огненном же облаке. Упомянуто еще древо железное, с железными ветвями и железной вершиной, оборудованной разными железными приспособлениями, на нем подвешены за языки грешники (*170, 172*).

Картина мучений не беспросветна. Адский огонь не уничтожающ. Железное дерево не плавится от жара. Даже вблизи пламени полно драконов, змей и червей. К тому же Богородица выпросила ежегодную передышку душам от мучений и от огня. Был момент, когда из ада стали видны семь небес, свет заставил отступить адскую тьму, сын Божий сошел, явил свое лицо грешникам в аду (*168, 180*).

Текст апокрифа приноровлен к запросам древнерусских читателей. В него вставлены упоминания древнерусских языческих богов - Трояна, Хорса, Велеса, Перуна (*168*).

Апокрифы составляли картинную энциклопедию загробного мира для Древней Руси.

"Слово о видении апостола Павла"

Энциклопедия загробного мира не обязательно многотомна. Однажды она сжалась в один апокриф. Это "Слово о видении апостола Павла", или короче - "Павлово видение". Апокриф явно компилятивен, объединяет сюжеты и мотивы разных апокрифов, в том числе "Видения Исаии", но особенно "Хождения Богородицы по мукам".

В "Павловом видении" душа представлена более телесной, она сильнее связана с телом, чем в других апокрифах. "Павлово видение" предусматривало медленность исхода души. Ангелы собирались вокруг умирающего человека,

ждали, когда душа выйдет из тела (*Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н.Тихонравовым. М., 1863. Т.2. С. 43*).

Из большого грешника даже вытрясали душу. Душе велели присмотреться к своему телу, чтобы вернуться именно в него, когда наступит Страшный суд, ангелы трижды повторяли: "Душе, познаи свое тело, отнюду же изиде", "возри на свою плоть, познаи жилище свое" и пр. (*43,45*).

Душа, вышедшая из тела, сохраняла компактность, оформленность. Душу брали, целовали, несли, вели или влачили. Каждую душу возносили ангелы, праведную душу - благие ангелы, ее ангел-хранитель и ее "дух", ранее живший в ней на земле. Еще выше присоединялись "прочая власти". Потом душу ставили пред Господом. После разбора душу уводили, праведника архангел Михаил нес в рай, беззаконная душа предавалась ангелу Тимелиху, а также в руку Аратарю: "да заключать ю в темьници адьстей" (*43,44,45,46*).

Душа облекалась в одежды. Грешная душа "имуща ризы осквернены", другие грешные души - в подпоясаниых портах (*52,53*).

От окаянной души исходил смрад. Ангелы жаловались: "Смрадъ ся изиде въ вся ны" (*45*).

У души различалось множество элементов тела. Их в "Павловом видении" названо больше, чем в прочих эсхатологических апокрифах; помянуты пуп, брови, волосы на голове, до них погружаются в огонь, помянуты ноздри, из них выползают черви (*49—51*).

"Павлово видение" страшнее рисует мучения душ. Цельность тел уже не сохраняется. Счетверенными крючьями изо рта тянут внутренности, раскаленной бритвой срезают уста и язык, отрубают руки, ослепляют очи, терзают огненным жезлом, протыкают рогами. Души мучаются голодом и жаждой (*50—53*).

Существовала еще краткая редакция "Павлова видения", в которой душа, пожалуй, еще более очеловечена. У души, оказывается, есть сердце: "духъ ту завидивъ влезе въ сердце". Душам приписаны и человеческие состояния: "смерть..., вражда, мечь и рана". Души уныло молчат в краткой редакции, ничего не разъясняют, несут зримое изображение своих земных грехов, "делъ своихъ образы" (*130, стб.1—2; 131.2*).

"Павлово видение" так скомпилировало всевозможные мотивы, в том числе взаимоисключающие, что возникла новая картина. Апокриф указал два разных пути, ведущие в ад. Один путь упомянут в начале апокрифа: сойти вниз, в бездну (*42*). Этот путь уточнен краткой редакцией: "подъ твердь земную" (*130.1*). Второй путь изложен в середине пространного апокрифа: из рая лететь вниз, на запад, к основанию неба, там течет великая река - "Окионъ", обходящая вселенную, за океаном находится ад (*49*).

Ад описан с усилением традиционных деталей. В аду не тьма, а пугающая тьма кромешная, "тма и скорбь и туга". В аду не просто отвратительные черви, а червь неусыпающий, длиной в локоть, с двумя головами (*46, 49, 54*).

Топография ада отличается от той, которая представлена "Хождением Богородицы по мукам". В "Павловом видении" огненная река, текущая по аду, превращается в огненную пропасть, глубина огненной реки триста локтей, а в нее погружено множество душ, "друга на друге", мечутся. Есть еще много пропастей, где черви пожирают людей. Есть в аду и узкий колодец, уходящий в

бездну, в него еле просунуть человека, "каменье горящее во всехъ частехъ его", он забит палимыми душами. Сверху огненный колодец запечатан семью печатями, чтобы не выходил невыносимый смрад *(50, 51, 54)*.

Упомянута принципиально новая деталь ада: снег. Зима царит на дальнем западе ада: "Несть сде ничто же, нъ тъчью снегъ и гроза" *(55)*, пусть хоть семь солнц воссияют, все равно не согреться. Краткая редакция апокрифа упоминает еще град *(130.2)*.

По утверждению краткой редакции, каждый грешник в аду страдал от одиночества: "кождо сетуя, долу поникъ, уединенъ отъ другъ", "и отъ помощникъ уединенъ" *(131.2)*.

В "Павловом видении" сбивчиво описан рай, вернее, три рая. Один рай - на седьмом небе. Это как бы некое помещение, видны алтарь Божий, занавес и престол, около которого курятся благовония. Христос сидит справа от Бога-отца. Павел видел, как Христос сошел с разверзшегося неба, на голове Христа была повязка *(49, 56)*.

Второй рай находится ниже, на третьем небе. Это уже целая географическая область. Ведут в нее врата, перед вратами стоят два золотых столпа, на каждом столпе золотая скрижаль, заполненная письменами с именами праведников, возможно, и с изображениями их деяний. За вратами простирается чудесная земля, там обитает пророк Исаия. Через землю течет молочно-медовая река, на ее берегах посажены деревья, полные сладких плодов, растут финиковые деревья высотой в 30 локтей. Свет всемерно ярче серебра. Далее находится озеро Херусийское. Золотой корабль перевозит к золотому городу, который зовется град Христов и, очевидно, находится на острове.

Остров описан крайне путано, изложение можно истолковать следующим образом. Город окружают четыре реки. На западе от города течет медовая река Фисьния, там живут библейские пророки. На востоке течет винная река Фицр; она поворачивает с востока на север, и там обитают билейские Авраам, Исаак, Иаков. На севере течет елейная река Гиония, она поворачивает с севера на запад, а там поют праведники, ожидающие прохода в город. На юге течет молочная река Евфрат. О ней больше ничего не сообщается (48).

Сам город огражден 12 стенами, в каждой стене по тысяче столпов. Посреди города высокий алтарь, у престола стоит библейский Давид, в руках держит псалтырь и гусли, поет на весь город, ожидая схождения Христа с седьмого неба *(47—49)*.

Третий рай, который увидел Павел,- эдемский. Описание его следует в конце апокрифа. Как и в "Хождении Агапия", эдемский рай Павла напоминает сад, расположенный где-то на земле, но в "Павловом видении" эдем величественней. Из эдема вытекают реки, напояющие земные области: Фигон, Гион, Тигр и Ефрат. Они берут начало из-под древа, которое стоит в раю. На древе почивает дух Божий, когда он вздыхает, то воды вытекают. Далее стоит древо животное, его стерегут херувимы с пламенным оружием, к древу приходят сопровождаемые ангелами: дева Мария, затем отцы людские - Авраам, Исаак, Иаков, потом - библейсикй Моисей, за ним - пророки Исаия и Иеремия, после - Ной, последними - пророки Илья и Елисей. Эдем посещают только очень избранные.

Эсхатология "Павлова видения" детальна, но не стройна, не складывается в систему картин, местами приближается к сказке.

Иные памятники XI–XII вв.

Эсхатологические сведения кочевали по различным памятникам. Общая картина постоянно дополнялась подробностями.

Некоторые переводные жития вразнобой уточняли судьбы душ, этапы их загробного существования. Так, утверждалось, что за душами праведников снаряжается летучее посольство, "ангели текуще по облакомъ небесьнымъ" (*"Мучение Еразма" // Успенский сборник XII–XIII вв. С. 219, стб. 1*).

Душа праведника, достигшая небес, изменялась, она ослепительно белела. "яви же ся душа его седмицею белеиши снега", "явиша же ся душа ихъ белы, яко голубие" (*"Мучение Еразма", "Мучение Вита, Модеста, Кресгянниция" // Там же. С. 220, стб. 2; с. 229, стб. 1*).

Древнерусские авторы участвовали в эсхатологических обсуждениях. Кирилл Туровский, ученейший древнерусский проповедник XII в., говорил, что души грешников сначала собирают, но не в аду, а неизвестно где: "блюдомы суть, иже Богъ весть". Лишь во время второго пришествия Христова, когда души вернутся в свои телеса, отправят их в ад на муку (*"Притча о человеческой душе и о теле" Кирилла Туровского // Памятники литературы Древней Руси: XII век / Текст памятника подгот. М.В.Рождественская. М., 1980. С. 308*).

Замечания Кирилла Туровского помогают объяснить почему телесны мучения души в аду: ведь души вошли в тело. Отсюда можно предположить, какое время подразумевал апокриф о Богородице, посетившей ад: Богородица посетила ад при втором пришествии, во всяком случае апокриф заканчивался тем, что Христос вторично сошел к грешникам (*180*).

Некоторые поучения сообщали, насколько надежно отделены от мира ад и рай. Ад закрыт, его огромные медные врата затворены, заклеплены железными гвоздями, у ворот стоят "сторожа адовыя" (*Слово Евсевия Александрийского о восшествии Иоанна Предтечи в ад // Успенский сборник XII–XIII вв. С. 366, стб.2; с. 367, стб. 2; Апокриф о Енохе. Краткая, древнейшая редакция по пергаменной рукописи XIV в. // Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н.Тихонравовым. СПб., 1863. Т. 1. С. 21*).

Рай же огражден стеной-"оплотом", но его врата не затворены. Однако, хотя ворота не замкнуты, рай "неудобь въходим" (*"Притча о человеческой душе и о теле" Кирилла Туровского. С. 294, 296*).

Памятники детализировали то, как отвратительна внешность исконных обитателей ада. Бесы напоминают зловещих животных: "Суть же образом черни, крилаты, хвосты имуще"; "яко аспиды велики, лиця ихъ. И очеса ихъ, яко свеща потухлы. И зуби имъ обнажены до перси ихъ" (*"Повесть временных лет" // Памятники литературы Древней Руси: XI–начало XII в. / Текст памятника подгот. О.В.Творогов. М., 1978. С. 192; Апокриф о Енохе. Краткая редакция. С. 23*).

Чернота - главное свойство ада и бесов, они выглядят, как "мурины мрачные"; души грешников тоже "чернятся", становятся похожи на демонов в аду, где и земля - темная, а смола - мутная (*Слово Кирилла Александрийского о*

исходе души от тела и о втором пришествии // Соборник из 71 слова. М., 1647. Л. 109 об., 114).

Ряд поучений неожиданно показывал первоначальное состояние ада. Первоначально в аду находились библейские герои: Адам, Ева, Ной, Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, все пророки, включая Иоанна Предтечу и пр. Все они связаны, даже закованы, кто стоит, кто лежит (*Слово Епифания Кипрского о погребении тела Иисуса Христа // Соборник из 71 слова. Л., 609–609 об., 612 об., 613 об.*).

Мучаются они, скорее, от тьмы, от духоты, от ощущения какой-то тяжести. Нет ни солнца, ни ветерка. Авраам "тяжко въздышеть", Давид "часто стоня, въздышеть" (*Краткая, древнейшая редакция "Слова на Лазарево воскресение" // Памятники старинной русской литературы. Вып. 3. С. 12, стб. 1–2*).

Ад напоминает тюрьму со многими камерами или же разветвляющиеся пещеры: "жилища же и темницы, сокровища и пещеры" (Слово Епифания Кипрского о погребении тела Иисуса Христа. Л., 611 об., 613. "Сокровища" означали "укрытия"). Как и положено тюрьме, ад крепко заперт: "замкы камёныя... твердо запечатано" (*Краткая редакция "Слова на Лазарево воскресение". С. 11, стб.1*).

Этот ад отличался относительной камерностью. Давид сидит на дне ада, но, вероятно, не так уж глубоко. До него доносится происходящее снаружи, на земле, например, звук пастушеских свирелей, топот коней. Об этом Давыд объявляет: "Уже бо слышю: пастыри сбирають у вертепа. А глас их проходитъ адова врата, а в мои уши приходитъ. А уже слышю топотъ ногъ перскихъ коней" (*Там же. С. 11, стб.1; с. 12, стб. 1*). Конечно то не простые кони и пастухи, волхвы несут дары родившемуся Христу. Богословски оправдано, что пророк услышал об этом событии. Но он слышит их и физически.

Переводы эсхатологических произведений, бытовавшие на Руси в древнейший период, свидетельствовали перед древнерусскими читателями, что нельзя полностью описать загробную жизнь, ни рай, ни ад, ни судьбы душ: "Ум человеческ недоумеет сказати".

Чувство бесконечности эсхатологических открытий объясняется исторически. Молодое древнерусское общество энергично развивалось, земной мир казался распахнутым для деятельности, а загробный мир - для познания.

Реально эсхатология не влияла на жизнь. Эсхатологическими сочинениями интересовались преимущественно ученые монахи. Вопрос о судьбе душ затрагивался также, когда велись дискуссии с иноверными. В прочих ситуациях эсхатологию не вспоминали.

"Книга о тайнах Еноховых"

В XIII-XIV вв. на Руси занялись переводами произведений, которые обстоятельней повествовали о загробном мире. Среди переведенных - "Книга о тайнах Еноховых", или пространная редакция апокрифа о библейском Енохе, который увидел 10 небес.

Эсхатологические сведения апокриф излагал с большой важностью. "Книга" предназначалась всем людям и народам. Распространятъ ее велел Бог Еноху: "Да раздадуть книги рукописания твоего чада чадомъ, и родъ роду, языки языкомъ". То же завещал Енох своим сыновьям: "Раздайте книги чадамъ

вашимъ, въ вся рода ваша и в языки", "книгы, еже азъ дахъ вамъ, подавайте ихъ всемъ хотящим", человечество "рукописание мое да держить твердо въ родъ и родъ" (*Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. IV; Южнорусский сборник 1679 года // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1880. Кн. 3. С. 116, 125, 129, 136. Текст списка близок к древнему переводу)*.

Путешествовал по загробному миру Енох телесно, как Агапий и Павел. На небе к нему обращались: "Человече Божий..." И он характеризовал себя как человека, но не как отделившуюся душу, и путешествовал он в земных одеждах. Только на десятом небе Бог распорядился совлечь с Еноха "земных рызъ его" (*93, 105*).

Все увиденное Енох видел реально, не во сне, но "яве" (*90*). В конце повествования Енох подтвердил слушателям: "Азъ видеть лица Господня... Вы убо слышыте словеса устъ моих, яко азъ слышах глаголы Господни... очи мои видесте от начала и до конца" (119). Все это придало резкую отчетливость апокрифическому рассказу.

На небесах Енох не встретил людей, то есть человеческих душ, видел только множество ангелов. Правда, он наблюдал и неких узников, на втором, третьем и пятом небесах, но это, скорее, отпадшие ангелы. Небеса лишь приготовлены для человеческих душ. Без душ яснее видно устройство небес. Описание такого устройства - главная цель апокрифа.

Никто еще не допускался так высоко: до десятого неба и престола Бога. Возносили Еноха три вида "вожей". Сначала - ангелы на крыльях своих, потом - архангел Гавриил, а напоследок Михаил-архангел. С десятого неба Енох увидел все, все звезды и всю землю. Разглядел он и преисподний ад. Апокриф претендовал на полноту эсхатологической картины.

Более того, апокриф проводил инвентаризацию небес. Енох занимался систематизацией космоса: "Азъ измерыхъ и исписахъ звезды... Азъ же имена всехъ написахъ... Часы изочтохъ... Аз изследовахъ вся" и т.д. (*120*).

На каждом небе описан свой набор предметов. Так, перед первым небом - облака, "аеръ". На первом небе - превеликое море, потом - хранилище снега, облаков и росы. На втором небе - тьма, предметы не различимы. На третьем небе - рай. Посреди рая - древо жизни, из-под древа исходят четыре источника. На севере третьего неба - "место страшно", тьма и мгла, лед, мрачные огни, течет огненная река. На четвертом небе - солнце в колеснице, звезды. На востоке четвертого неба - шесть ворот, оттуда выезжает солнце. На западе четвертого неба - шесть ворот, в них солнце заходит. От запада к востоку - двенадцать ворот для луны. У последующих небес предметы не указаны, разве что престол Господа на десятом небе (*91—99*).

На каждом небе заняты свои сонмы существ. На первом небе летают ангелы, они ведают звездами и хранилищами облаков. На втором небе плачут ангелы "темнозрачны". На третьем небе поют светлые ангелы. На четвертом небе - шестикрылые ангелы сопровождают солнце, с солнцем же несутся Финизи и Халкадры, - гиганты с двенадцатью крыльями, со львиными ногами и крокодиловой головой. Над четвертым небом, не доходя до пятого, поют ангельские воины, с тимпанами и органами. На пятом небе находятся воины, похожие на людей, их зовут григорами, лица их унылы, они молчат. На шестом небе поют архангелы. На седьмом небе - полки бесплотных сил, господства,

начала, власти, херувимы и серафимы и пр. Последующие небеса упомянуты без живух существ. На десятом небе - сам Господь, рядом архангелы Михаил и Гавриил. Херувимы и серафимы покрывают Божий престол (*96—105*).

Описание небес напоминало о музыкальном произведении. Звуки сменяли друг друга. Сначала - торжественные речи. Далее - плач. Потом непрестанное пение и неумолкающие голоса. Вдруг - холодная тишина. Внезапно раздается различное пение. Снова молчание. Жалобное и умиленное пение. Затем пение сладкое и мощное. Наконец, пение тихими и кроткими голосами.

Перевод "Книги" на Руси обозначал, что читателям уже хотелось большей упорядоченности эсхатологических описаний.

"Чтение святого Варуха"

Перевод апокрифа дошел в раннем списке,- конца XIII - начала XIV вв. Пророк Варух тоже посетил небеса.

Апокриф о Варухе широковещателен. Как и в апокрифе о Енохе, Господь повелел, чтобы Варух всем поведал об увиденном (*Соколов М.И. Апикрифическое откровение Варуха // Древности: Труды Славянской комиссии императорского Московского археологического общества. М., 1907. Т. 4, вып. 1. С. 219)*.

Изложение подчеркнуто конкретно. Хотя Варух осмотрел лишь пять небес, зато он обязался точно изложить увиденное. Произведение насыщено якобы точными цифрами. Например, шли 7 дней, летели 32 дня, течет 343 реки, трудятся 200003 ангела и др. Упомянуты или даже приведены тексты надписей, встреченные Варухом на небесах, вроде надписи, помещенной на правом крыле птицы Феникс о том, что птица родилась от престола Божия (*205, 206, 208, 210, 213*).

Апокриф выразительно обрисовал исполинские небесные объемы. "Толстота" первого неба - в семидневный путь. Высота второго - в семидневный полет ангела. На втором небе легко помещаются великое поле, высокая гора, множество рек, море, а также гигантский змей, "утроба" которого в широту и глубину, как ад. По четвертому небу летит птица величиною от востока до запада, она закрывает мир от солнечного пламени, "се есть хранило всему миру". На пятое небо сносят "хранильницу", в которую собирают человеческие молитвы, глубина этой "хранильницы", как от неба до земли (*206, 208—209, 212-213, 217*).

Обитатели небес явственно земные в "Чтении Варуха". Апокриф сообщает, что на первом небе живут люди с воловьими лицами, оленьими рогами,- детали все-таки из земной анималистики.

На втором небе тоже пребывают люди, у них лица песьи, ноги оленьи, рога козьи. Они живут в превеликой "клети", то есть в доме. Их повседневные занятия тоже земные, они рубят деревья, жгут камни и пр. На горе лежат змеи, пьют море, понижают его на один локоть в день, едят землю, "яко и сено", словно гигантская домашняя скотина. Апокриф перечисляет названия рек, текущих по второму небу, среди необычных и очень знакомые названия: Дунай, Евфрат (*207—208*).

На третьем небе расположился эдем. Апокриф опять упоминает приземляющие детали, например, какие деревья посадили в эдеме архангелы:

Михаил - маслину, Гавриил - яблоню, Саразаил - калину, Сатанаил - виноградную лозу и т.д. Сообщается, что во время потопа вода залила рай, вынесла на землю прут от лозы, как будто рай - это заливаемый сад (*210—212*).

Земной облик получают обитатели даже четвертого неба. Апокриф объясняет, что солнце - это человек на колеснице, запряженной четырьмя конями. Венец у солнца пачкается, когда оно проходит над землею, приходится венец очищать. А месяц подобен женщине, сидящей на колеснице, мчимой волами. На четвертом небе есть горящая река, а на ней озеро, из озера облака берут воду, "одождяють по земли" (*212, 215, 216*).

Апокрифы о Енохе и Варухе - различны, даже противостоят друг другу, но эти переводы соответствовали тогдашней интеллектуальной потребности в предметной инвентаризации небес.

"Житие Андрея Юродивого"

В XIII-XIV вв. перевели жития, содержащие обширные эсхатологические рассказы.

"Житие Андрея Юродивого" содержало несколько разделов, посвященных эсхатологии. Основной из них - "О видении рая". В нем сглажена несогласованность, которая царила в предшествующих переводах. Все-таки кто возносился на небеса? Душа бестелесно или человек целиком? Статья "О видении рая" засвидетельствовала, что возносилось нечто среднее. Андрей, во сне видевший рай, смотрел на себя и сомневался, тело у него или нет, очи плотские у него или духовные. Тело у него вроде сохранилось, в портах, сапогах, но в облагороженном виде: порты молниями вытканы, сапоги светящиеся, венец. Но тело как будто бесплотное. По словам Андрея, "видехъ себе яко же бес плоти суще". Не чувствовалось тяжести в теле. Не хотелось пить и есть. Однако разверзающихся глубин это тело боялось. В темноте ничего не видело, оттого держало горящую свечу (*Великие минеи четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб., 1870. Октябрь, дни 1—3. Стб. 100, 103, 104, 162*).

Полуматериальными мыслились и души прочих людей. В разделе "О душах" отмечено, как выходит душа из тела: "яко же раздранъ платъ". Грешные души темнеют, "яко сажа бывають" (*181*).

Кругозор Андрея более ограничен, чем у Варуха. Он видел лишь эдем да еще первые три неба. Их общий вид расплывчат. Статья "О видении рая" дает понять, что эдем состоит из садов, реки, леса, а на каждом небе висят занавесы, стоят кресты. Пожалуй, все.

Зато обилие деталей необычайное. Андрей полон чувств обходил эдем, то "ширяяся по пространу", то скача высоко, то стоя молча "на многы часы" и пр.

Детали вполне земные. В эдеме водятся воробьи, щуры, соловьи. Сады стоят, "яко же станеть полкъ противу полку". Древеса и сады колышутся от ветра, "яко же волны". Пространство под первым небом, "яко бездна морьская". Третье небо простерто, как кожа, через него перекинута золотая доска и т.д. (*101—105*).

Все зорко рассмотрено и мелочно описано, все покрыто узором или расцвечено. Недаром памятник говорит про "узорочна" (*103*).

Земля эдема испестрена цветами. Виноград -. с золотыми листьями, рубиновыми гроздьями. Райское поле: "Все красно, и светло велми, и муравно, и цветно велми часто" (*107*).

Птицы удивляют золотыми, снежнобелыми, пестрыми крыльями. Голубь, который сел на небесную занавесь, описан с головы до ног: "Глава же его беаше, яко злато. А перси багряне. Крила чермнозорна, яко пламень. Нозе его червлене. Изо очию же его яко заря светлы исхожаху" (*106*).

Даже сам воздух - цветной. Дуновение с запада, "яко же дымъ бело, яко же снежно видение". А с севера ветер "черменъ видениемъ" (*102*).

В другом разделе "Жития" был изображен ад. Упомянуто только несколько адских темниц, приготовленных для грешников. Но зато какие детали! В смердящих темницах затворены мухи, лисицы, ослы, змеи, враны, псы и пр. Одна храмина - с человеческим калом. Висит темная доска в надписью: "Обитель вечная и мука нудная" (*163*).

Вдумчивого читателя интересовало то, где кончается загробный мир. "Житие" отказывалось описывать эти крайние пределы, жилище Бога, однако кратко пояснило: "Выше же надъ Богомъ есть воздухъ. Яко же илекторъ любо ли яко снегъ, белъ, яко светъ. Да той входитъ на высоту некончаему" (*186*).

"Житие Андрея Юродивого" явилось цветом картинной эсхатологии на Руси.

"Житие Василия Нового"

"Житие Василия Нового" выделяется своим подавляющим объемом, его эсхатологический материал огромен.

Ученик святого Василия Григорий посетил во сне загробный мир, и не один раз. В загробном мире очутилась душа Григория, не тело, в чем он сам убедился: "Искахъ рукою руку свою осязати, есть ли въ мне кость и плоть. Яко же пламень огненыи видя" (*Вилинский С.Г. Житие св.Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1911. Ч. 2: Тексты жития. С. 438. Первая русская редакция).*

В загробный мир попадали только души. Например, встретилась в раю преподобная Феодора, она поведала об исходе своей души, о путешествии на небо. Когда она умерла, явились юноши-ангелы, один из них рассек ее тело, секирой отрубил конечности, исторг ногти, отсек голову, дал что-то пить из чаши, настолько горькое, что душа вышла наружу и посмотрела на свое умерщвленное тело (416). Затем душу понесли к небу.

Григорий встретил в раю еще людей, тоже уже бесплотных. Люди "безвещественны, яко же солнечныа луча. Объяти плотнеи руце не могуще", "бяаху бо не яко человецы", "плоти не имуще", составлены как бы из солнечных лучей (*433, 436*).

В загробном мире все бесплотно. "Безвещественные" юноши черпают "безвещественную" жидкость, вода - "умнаа". Строения тоже "умныа", "духовными хитростьми состроены". Бестелесно движение. Обитатели рая признаются: "Мы зде умомъ преходимъ". Григорий вспоминает об их поцелуях: "Духомъ умнымъ целовахуть мя" (*431, 432, 433, 438*).

"Житие" не только последовательно, но и детально. Исключительно часто "Житие" описывает разнообразную внешность души и прочих существ тоже.

Так, по смерти Феодору окружили эфиопы, они "синие", темны лица их (*415*). Когда затем Феодора проходит 20 мытарств, то описывается, перед какими бесами она представет. Ее встречает собор черных эфиопов. Ближе к небу бесы крупнеют, становятся толстыми и тучными. Еще выше - бесы, как киты. На девятнадцатом мытарстве - бес в ризе, гноем перемазана риза и забрызгана кровью. На двадцатом мытарстве бес хиреет, он "отнюд тонокъ, и зело иссохшь, и вельми грыжавь" (419, 425-427, 429).

Юноши-ангелы описаны детальнее. Они, в частности, высоки, как кипарисы, у них волосы, как молния, ноги белы, как молоко, лица, как снег. Праведники в раю - в белоснежных ризах, "веселом лицемъ вси друг къ другу прелетающе". О внешности грешников "Житие" тоже сообщает. Грешные души в аду раздеты, "обнажены от всякия одежда духовныя" (*431, 434, 436*).

Если "Житие Андрея Юродивого" инвентаризировало предметы, то "Житие Василия" давало перепись существ. В "Житии Василия" описания предметов эпизодичны, но они еще мелочней. Подмечено вдруг, что же именно расставлено на райском столе, даже что лежит в миске (*435*).

Все-таки оба жития принципиально сходны. Общество XIII-XIV вв. стало хозяйственней, читателям были нужны доскональные эсхатологические описи.

Прочие памятники XIII–XIV вв.

Читатели не стремились унифицировать эсхатологическую систему, им не надоедали повторы, их не затрудняли разноречия. Общество собирало богатства, в том числе и эсхатологические.

Эсхатологические картины содержал "Завет Левгии", то есть "Завет Леввитов". Текст сохранился в списке XIV в. Библейский Леввит рассказал о посещении небес, их он осмотрел во сне, дошел лишь до третьего неба. Ничего нового апокриф не сообщал, варьировались только частности. Так, Леввит увидел воду, висящую между первым и вторым небесами, отметил, что высота третьего неба "немерна" (*Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н.Тихонравовым. СПб., 1863. Т. 1. С. 103*).

В пергаменном "Сильвестровском сборнике" XIV в. дошло "Откровение Авраама". Здесь произведение называется "Книгой откровения Авраама". Апокриф велик, эсхатологический рассказ составляет лишь его часть, тоже повествует о путешествии на небо.

Видения в "Откровении" захватывающе-страшные. Библейский Авраам вспоминает, как от страха он окаменел: "Ужасе духъ мои. Избеже душа моя от мене. И быхъ, яко камыкъ. И падохъ ниць на земли. Яко ни бяше уже ми крепости стояти на земли" (*Там же. С. 38*).

Перед Авраамом явился страшный ангел: "Бяше видение тела его сапфиръ. И взор лица ему, яко хрисалитъ. И власы главы его, яко снегъ... И одение ризъ его багоръ. И жезлъ златъ в десници его". Ангел пытался смягчить страх Авраама: "Да не устрашить тебе възоръ мои. Ни беседа моя да не сьмущаеть душа твоя" (*39–40*).

Дорога Авраама на небо страшна и таинственна. Он шел сорок дней и ночей, не ел и не пил, пришел в горную страну: "И бысть солнцю заходящу. И се дымъ, яко пещныи" (*41*). Ангел посадил Авраама на гигантского голубя, на

правое крыло. Сам ангел сел на левое крыло. Они полетели через пламя. Наконец, долетели до неба.

Авраама встретило множество мужчин, все они говорили на непонятном языке, как вспоминает Авраам: "Зъвуща глаголомь словесъ, его же не ведяхъ". Авраам опять устрашился: "Не могу ныне зрети, уже зане раслабехъ и духъ мой отступаеть из мене". И ангел снова уговаривал: "Не бойся" *(42)*.

Последующие зрелища тоже были пугающими. Авраам увидел, например, огненный престол, под престолом четырех ужасных животных. Каждое - с четырьмя головами. Первая голова - львиная, вторая - человечья, третья воловья, четвертая - орлиная. У каждого животного по шесть крыльев. Передними крыльями они прикрывают головы, задними - "одевают" ноги, средними - летят. Головы не прочь ссориться друг с дружкой. Авраам увидел также страшную колесницу, у которой огненные колеса, а каждое колесо заполнено очами *(43—44)*.

Прочие апокрифы тоже добавляли ужасающие детали. Например, рассказывали о херувимах, охраняющих эдем. Они до пупа - люди, грудь - львиная, голова - "иною тварью", руки - ледяные, а в руках - пламенное оружие *("Слово о трех монахах" // Памятники старинной русской литературы. Вып. 3. С. 139, стб. 2. Список XIV в.)*.

Читателям XIV в., вероятно, хотелось страшного, причем больше, чем раньше. Страшное не противоречило систематизаторскому накопительству, свойственному книжникам того времени. Общество исходило из принципа: в хозяйстве все пригодится.

Существовал еще один апокриф о вознесении Авраама на небо: "О явлении Аврааму Михаилом-архистратигом", или "Смерть Авраама". Авраам путешествовал телесно. Это подчеркнуто в апокрифе особой процедурой. Авраам попросил архангела Михаила: "Съ телом хотел бых възити", то есть вознестись телесно. Тогда Михаил взошел на небеса, известил Господа о желании Авраама. Господь разрешил Михаилу: "Поими Авраама с телом". Это исполнил Михаил: "Взя Авраама с телом на облацех" *(83—84)*.

Весь апокриф процедурен, он описывает церемонию за церемонией. Так, Авраам видит, как сортируют души. Двое ворот, одни - маленькие, другие - большие, между ними на престоле сидит Адам, мимо него ангелы влекут души людей. Адам плачет и смеется. Плачет, когда души влекут в большие ворота, то есть в "пагубу". Смеется, когда души ведут в тесные ворота, этим душам предназначена жизнь. Плач Адама всемеро сильнее его смеха соответственно распределению душ.

Видит Авраам и церемонию предшествующего суда. Около рая находится судное место. Очередная душа предстает перед судьей, вопит и молится, отрицает свои грехи. Судьей выступает Авель, он велит херувиму принести две книги. При книгах - мужчина в тройном венце, с золотым жезлом, это Енох, "книгочии правдивый". Енох раскрывает книги по повелению судьи, ищет записанное и обличает грешную душу. Слуги гневаются и хватают несчастную, мучают ее *(Памятники отреченной русской литературы. Т. 1. С. 85—86)*.

Видит Авраам самую первую эсхатологическую церемонию: Смерть является умирающему и выводит душу. Перед праведником Смерть появляется красивой, в венце, "с покорением" идет к праведнику. Он умирает, словно

владает в сон. Перед грешниками же Смерть является многоглавой, головы у нее змеиные и пр. (*89–90*). Смерть ведет душу на судное место.

Эсхатологическая церемониальность также была нужна читателям. Формировалась систематизированная эсхатология XIII-XIV вв., нравились описания предметов, существ, эмоций, церемоний.

Остальные апокрифы содержат отдельные кусочки мозаики. Чаще всего они указывают цифровые подробности, отягощающие или пугающие. Например, в ад ведет 500 ступеней, высота дьявола - 600 локтей, "уста же его, яко пропасть глубока", его держат 617 ангелов (*"Воспрошанье святого апостола Варфоломея" // Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 17, 22. Список XIV в.).*

На небо ведет 12-тиступенчатая лестница, по бокам лестницы 24 человеческих лица, по лестнице восходят и нисходят ангелы (*"Лествица Иакова" // Там же. Т. 1. С. 91).*

На небе лежат книги, толщина их равна 7 горам, длину их невозможно охватить разумом, книги запечатаны 7 печатями (*"Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской" // Там же. Т 2. С. 175).*

Некоторые произведения превратились в счетный перечень и бытовали в таком виде. Таков отрывок "О памяти смертней и об исходе души" из "Жития Иоанна Милостивого", изложение состоит из перечня 20 мытарств (*Великие минеи четии. СПб., 1897. Ноябрь, дни 1–12. Стб. 866–867).*

Иногда числовые выкладки сопровождались объяснениями, например, о важных посмертных днях. Отмечается третий день по смерти, "третины", потому что тогда воскрес Христос, воскресил Адама, Еву и всех праведников. Отмечается девятый день, "девятины": тогда Христос явился ученикам. Отмечается двадцатый день, "полусорочины": тогда явился Христос Луке и Клеопе. Отмечается сороковой день, "сорочины": тогда Христос вознесся на небо. Ангелы держат грешную душу сорок дней. Если в эти дни помянут душу, сотворят ей службу, поставят свечу, то ангелы поставят душу перед Богом. Если нет, то ожидает душу ад (*"Вопросы Иоанна Богослова Аврааму о праведных душах" // Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 194–195; "Вопросы Иоанна Богослова Аврааму на горе Елеонской" // Там же. С. 198–199).*

Наборы числовых данных - это эсхатология вкратце. Тенденция к сжатой эсхатологии тоже проявилась, особенно в вопросо-ответных произведениях.

Появилось и русское эсхатологическое сочинение. Послание об эдеме написал новгородский архиепископ Василий Калика в 1347 г., адресовав его тверскому епископу Феодору Доброму. Послание - плод длительных систематизаторских усилий Василия, о чем он упомянул: "Пребых много дний о взыскании" сведений, "темь, еже изысках, и се пишу..." (*Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века / Текст памятника подгот. Н.С.Демкова. М., 1981. С. 42).*

Не загробный мир интересовал Василия, а земные доказательства существования эдема на востоке, то, как вырисовываются географические предместья эдема. Эдем, по-видимому, окружен высокими отвесными горами, с земли до неба, с них стекают четыре реки: Тигр, Нил, Фисон, Евфрат. Из Нила вылавливают алоэ, которые течение выносит из рая, как и яблоки и финиковые ветви (44).

Есть, очевидно, другой проход к эдему, открытый новгородцами. Там на горе лазоревой краской нарисован Деисус. Солнца не видно, оттого что сияет свет ярче солнца. Из-за гор доносятся ликующие голоса. Гора, вероятно, не так непроходимо высока. Достаточно вскарабкаться по мачте новгородской лодки, "юмы", с нее можно перелезть на гору к раю (*46, 48*).

Люди, увидевшие эдем, ничего не рассказывают, потому что стремительно бегут к эдему, исчезают, или же от полученного впечатления мгновенно умирают на земле. Значит, нечего рассказывать и автору. Фантазировать прагматичный Василий не хотел.

В XI-XIV вв. на Руси сформировался основной фонд эсхатологических памятников, преимущественно переводов с греческого. Тогда ощущалось близкое дыхание византийской культуры, благодаря которой древнерусское общество прошло полный курс эсхатологии. Точнее, не все общество, а монашество, служителя церкви.

Эсхатологические темы XV–XVI вв.

С XV в. поток эсхатологии ослабел. Переписывались старые произведения, добавления делались лишь по мелочам, но очень даже земным.

Так, в конце XV в. составили апокриф "О всей твари", обозрение того, что сотворил Бог. Загробному миру уделено мало внимания. Автор, в частности, задавался пикантным вопросом: видел ли кто-нибудь ангелов нагими. Оказывается был случай: "Богородица нагимъ естествомъ видела Гавриила" (*Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 349*).

Перевели немецкое "Двоесловие Живота и Смерти", то есть диалог Жизни и Смерти. Существовало несколько редакций этого перевода-переделки. Первая редакция - конца XV в., в ней вообще не упоминалась душа, ничего загробного, речь шла о земных делах. Смерть представала фантастической, но материально-земной. Она - страшный зверь, ревет, как пантера, полна червей и змеев, идет с кривой косою, простирает человека по земле, попирает его ногою (*Повести о споре Жизни и Смерти / Исследование и подготовка текстов Р.П.Дмитриевой. М.;Л., 1964. С. 141–142*).

В 1520-30-х гг. появилась третья редакция повести, где говорилось о душе, покаянии и пр. Но земные мотивы усилились. Душа напоминала птичку, выпархивала из тела, как птица из силков, юноша сажал ее на свою руку, держал. Смерть шествовала с обозом оружия, с мечами, пилами, серпами, бритвами и пр. (*146*). Детали были заимствованы из "Жития Василия Нового" (25, 28), но в повести все происходило уже не на небе, а на земле.

В 1530-40-е гг. с польского перевели "Разговор магистра Поликарпа со Смертью". Здесь Смерть выглядела совсем как человек, нищий, больной, старый, разбойный. Поликарп около церкви встретил эту Смерть: "Узрел человека нагаго. Образом велми шкаредна. Худа. Бледна. Жолта лица. Ащисть, акы медница. Конець носа ей отпало. Изо очию пловет кровава роса. Тело ся на ней сморщило. Превязала главу рубищем. Крива уста. Мещет очима. Закалающе грозно, косу в руце имея. Выпала свои кости" (48).

Оземнение описаний усилилось в XV-XVI вв. Читателям это, вероятно, нравилось, притом уже читателям-не монахам.

Вершиной поздней эсхатологии стал "Луцидариус", который перевели с немецкого не позднее первой трети XVI в. Второе название сочинения - "Златой Бисер". То, действительно, был бисер разнообразных сведений, в основном о мироздании, в том числе о небе, рае, аде, душах.

"Луцидариус", в отличие от предыдущих рыхлых эсхатологических произведений, являлся ученым трактатом. Учитель подробно, но сжато и логизированно, отвечал на вопросы ученика. "Луцидариус" явил чудеса книжной систематизации, в ответах учителя было собрано все, известное по заданным темам, по этому поводу в предисловии объявлено: "Иже бо во иныхъ книгахъ что обрящемъ сокровенно, въ сеи же книге положено откровенно... въ кратких словесехъ зело лепо объявися" (*Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях, по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890. С. 421*).

Деловитость характеристик присуща "Луцидариусу". Например, о преисподнем аде сказано много в немногих словах. Ад сверху узок, а ниже широк, глубина ада безмерна, даже души, первыми брошенные в ад, еще не достигли его дна. Геенский огонь гораздо жарче огня земного. Ад полон огненных драконов и червей, там летает диавол, из его уст исходит огонь и смрад. Там же течет студеная река, которую не может нагреть адский огонь, она смердит смолой и серой.

Кроме преисподнего, есть еще верхний ад, расположенный на земле, на вулканах, где горит сера и смола. Там тоже мучатся души, но не навечно, им предстоит спасение.

Есть также места, близкие к аду. Это Сицилия, в Сицилийской земле много скважин, из них бьет горящая сера, больше ничего в том крае нет. Ад - непосредственно под той землей.

Вход же в ад - "на конце земли". Живые люди туда не могут дойти, там мрак и тьма, всегда полно дыма и смрада (*425–426, 441, 466*).

Все четко и лаконично, но впечатляюще расписано в сообщениях "Луцидариуса". Так, сказано, что небо "есть подобно видомъ воде", непрерывно "течетъ оно велми", перемещается вместе с солнцем, луной, звездами. Небо состоит из трех небес. Первое небо - от земли до луны, в нем обитают лукавые духи, они "пакости деютъ" людям, тело духов составлено из воздуха. Второе небо - от луны до звезд, там "воздухъ велми огненъ", там находятся ангелы. Третье небо - огненное, на нем - Бог с небесными силами (*426–427*).

Эсхатологические сведения в "Луцидариусе" максимально упрощены, в том числе об эдеме. Эдем находится выше всего на земле, рядом с небом. Дойти до эдема невозможно: великие горы, лесные чащи, "мраки и мглы", врата эдема охраняет пламенное оружие. Внутри эдема исходит источник, он разделяется на четыре реки, которые текут в раю под землею и лишь пройдя рай, "прошибутся наверхъ земли" (*427, 429–430, 437*).

"Луцидариус" перевели не для монашеской братии", а для "любезного читателя". Так назван в предисловии потребитель сочинения. "Любезному читателю" нужно было что попроще.

Эсхатология распределилась на старую, подробную, и новую, схематическую. Разноречащие сведения стали разводить по читателям: ученому монаху положено читать про десять небес, простецу достаточно знать о трех.

5*129

"Синодик"

"Синодик"- это целая книга в основном о поминовении умерших, книга сформировалась в XVII в., имела разные варианты в повествовательном составе. "Синодик" стал образцом новой эсхатологии, он содержал лишь краткие предметные рассказы, среди них много эсхатологических выжимок.

Предметно объяснялся обычай поминовения, заметно иначе, нежели в апокрифах. Когда умер человек, два дня ожидаем, двое суток ангел водит душу умершего: "Ово къ дому. Ово ко гробу. И где хощетъ". Душа, как птица без гнезда (*Шляпкин И.А. Синодик Псковского Спасо-Мирожского монастыря. СПб., 1880. С. 120. Ср.: Петухов Е.В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895. С. 17, 361. Это "Повесть Макария Александрийского, чесо ради третины, и девятины, и сороковины правят по умерших"*).

Третий день отмечаем по двойной причине. Что-то происходит с телом, на третий день "человек изменяется вида". Нечто происходит и с душой, которую возводят по мытарствам. Безгрешную душу на небесах встречают ангелы со свечами и фимиамом, целуют душу, препровождают ее к престолу Господню (*Шляпкин И.А. Синодик... С. 116, 120; Петухов Е.В. Очерки... С. 366–368*).

Девятый день отмечаем вот почему. На девятый день "все растечется здание", то есть тело распадется. А душу водят по райским местам с третьего дня до девятого. Праведная душа радуется будущему своему местопребыванию, а грешная душа горюет, потеряв рай. На девятый день душа поклоняется Господу вторично, а грешную душу ангелы встречают с плачем (*Шляпкин И.А. Синодик... С. 120; Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 121*).

Затем душе показывают ад. В двадцатый день душа снова восходит, в великом унынии предстает перед Господом, ее крепко держат ангелы. Оттого отмечаем мы двадцатый день (*Петухов Е.В. Очерки... С. 363*).

Объяснения в "Синодиках" разнятся. Одни "Синодики" утверждают, что душу арестовывают, она уподобляется заключенному, душу стерегут ангелы на небесах, "на уреченнемъ месте", душа содержится "в дряхлости и в сетовании" с двадцатого до сорокового дня (*Петухов Е.В. Очерки... С. 363*).

Но другие "Синодики" умалчивают о заключении, сообщая, что душу тридцать дней водят по аду, показывают муки, с десятого до сорокового дня. На сороковой день "сердце тогда погибаетъ", "умершего до основания все тело в составехъ разрушится", а душа предстает перед Богом, в третий или в четвертый раз, для суда. Вот почему мы отмечаем "сорокоустие" (*Шляпкин И.А. Синодик... С. 117, 121; Петухов Е.В. Очерки... С. 356*).

Суд над грешной душой страшен, "гнев Божий приходит на душу ту", шестикрылые херувимы закрывают лицо Господне, душа предается немилостивым ангелам, грешную душу изгоняют пламенным оружием (*Буслаев Ф.И. Исторические очерки... Т. 2. С. 121*).

Некрещеную душу не поминают. Ангелы берут ее на первое небо, оттуда отсылают в ад (*Петухов Е.В. Очерки... С. 172*).

В "Синодике" нет грандиозных картин, все изображения фантасмагоричны, но отдают бытом. Например, ад напоминает банное помещение с огненными муками и студеными муками. Студеные муки сильнее огненных: "Ежели вложить в студеные муки превеликую огненную гору, тотчасъ ледъ будетъ". В

аду собралось гомонящее, как в бане или огромном зале, сборище: "Во адских мукахъ безпрестани крикъ превелии, шум презелный, плачь, слезы, стенание, воздыхание, болезни, яко раждающей, скрежетъ ужасный зубовъ... Грешники ревутъ, кричат... Инии рыдают". И т.д. *(Петухов Е.В. Очерки... С. 251—254).*

Скопище людей пребывает во тьме. Иногда туда проникает свет, тогда грешники могут видеть друг друга (Петухов Е.В. Очерки... С. 175).

В "Синодике" преобладают сугубо локальные рассказы о судьбе отдельного человека. Вот умер алчный человек, бесы привели его к сатане, отвели грешника в огненную баню, положили на огненное ложе, дали ему выпить чашу гнева Божия, стали трубить в уши огненное трубами, пламя выходило из ноздрей, наконец, ввергли грешника в огненный колодец (Петухов Е.В. Очерки... С. 182).

Рассказы из "Синодика" распространялись и как самостоятельные повестушки с одной элементарной эсхатологической картиной. Например, ад - это озеро в тине, по существу, болото. Головы грешников то всплывают по шею, то погружаются. Сунешь туда руку - рука смердит *(Памятники старинной русской литературы / Под ред. Н.Костомарова. СПб., 1860. Вып. 1. С. 100, стб. 2 "Повесть о грешной матери").*

Нередко рассказ сводился к описанию позы, вернее, скульптурной группы. Вот грешница сидит на страшном змее, два великие ужа душат ее шею, два ужа сосут ее груди, два нетопыря дерят ее очи, два великих пса грызут ее руки, на ее голове - ящерицы, сколько волос - столько ящериц, в уши воткнуты огненные стрелы, из уст исходит огонь *(Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. С. 105, стб. 2. Ср.: Шляпкин И.А. Синодик... С. 126).*

Лубочной упрощенностью "Синодика" завершилась средневековая эсхатология. Эсхатологическое учение началось с монахов. Эсхатологическая популяризация распространилась у мирян.

Прочие произведения XVII в.

Древнерусская эсхатология имела несколько завершений, а не один конечный путь развития, так обмелевшая река разбегается ручейками.

Один из путей был шире остальных: многие, но разные произведения ориентировались на "Синодик", на упрощенность и узость его картин: духовные стихи, сочинения протопопа Аввакума, пьесы так называемого школьного театра.

Духовные стихи не описывали загробный мир, они ограничились мотивом встреч души на том свете.

Душа с телом расставалась, как птенец со гнездом.
Взлетает и приходит в незнаемый мир.

Встреченные ангелы допытываются у души:

Ты куды, душе, быстро течешь путем своим?

(Бессонов П. Калеки перехожие: Сборник стихов и исследование. М., 1864. Вып. 6. С. 316)

В другом стихе душу встречают бесы, душа подымается по небесной лестнице:

На первую ступень ступила.
И вот встретили душу грешную

Полтораста врагов.
На другую ступень ступила.
Вот и двести врагов.
Вот на третью ступень ступила.
Вот две тысячи врагов возрадовалися
(Петухов Е.В. Очерки... С. 301—302).

Аввакум сильнее всех упростил эсхатологические картины, особенно в своем "Житии" 1670-х гг. Рай виделся им как городок, комнатка. Душа попадает "во светлое место", минует "многие красные жилища и полаты", входит в самую красивую палату. В палате стоят столы, на них постлано что-то "бело", должно быть, скатерти. На скатертях "блюда з брашнами стоять". В конце стола "древо кудряво повеваеть", украшено разными красотами, словно выставлено в кадке *[Памятники литературы Древней Руси: XVII век / Текст памятника подгот. Н.С.Демкова. М., 1839. Кн. 2. С. 395).*

Это скромный рай для скромных людей. Даже ангелы выглядят скромно, у них нет разлета крыльев, "бело у ушей техъ их", вот и все крылья. Эсхатология для людей, привыкших к бедности, ничего не видевших, кроме бедности.

Школьные драмы тоже давали упрощенные картины, ведь эти пьесы разыгрывались учащимися и стремились быть доходчивыми для публики. Школьные драмы показывали муки в аду, но не как широкое зрелище, они рассказывали лишь о внутренних переживаниях только одного грешника, который вопиял в геенском пламени:

Но коль люта алчьба стужает!
Коль люте жажда язык распаляет!
. . . .
Кто ми поможет? Кто другом явится?
Кто з огня люта изъята потщится?
Кто ми даст в муках лютейших отраду?
Кто краплю воды языку в охладу?
("Ужасная измена сластолюбиваго жития с прискорбным и нищетным" 1701 г. // Пьесы школьных театров Москвы / Памятник подгот. А.С.Елеонская. М., 1974. С. 80)

Эти жалобы сценически очень удобны, но они почти не эсхатологичны: такой лирический монолог мог декламировать болящий или несчастный, но не обязательно персонаж, находящийся в аду.

Эсхатология не просто упрощалась, а замещалась чем-то иным, разным в разных жанрах словесного искусства. Замещение началось уже в первой четверти XVII в. Так, в 1623 г. князь Хворостинин сочинил очень большое церковно-догматическое слово о царствии небесном. Только о небесах, о рае. При этом автор обошелся без конкретики, без предметных деталей, написал в основном о чувствах души, попавшей в рай. Души в раю ощущают: "вечную радость... вечное веселие... неизглаголанное ликование... непрестаемое ликование..., ликование радостное... утешение... покой... наслаждение... нескончаемое ликование... светлое радование... чюдное веселие". В раю "сладкая надежда в радости неизглаголанной... богодарованное веселие, недоведомая сладость... неусыпаемое веселие... и возсияет во сердцахъ веселие и сладость страха Божия... надежда незыблемая... непрестанная любов к Богу... отимется

тогда ярость, сице же и желание плотское... но неусыпная бодрость... тамо превелия свобода" и т.п. (*Петухов Е.В. Из истории русской литературы XVII века: Сочинение о царствии небесном и о воспитании чад. СПб., 1893. С. 23–47*).

И.А.Хворостинин обвиненный в еретичестве и сосланный в Кириллов монастырь, там написал указанное сочинение, чтобы оправдаться. Автор тщательно избегал упоминания апокрифических сведений, эсхатологию, в сущности, заменил риторикой.

Усыхание эсхатологии в XVII в. несомненно. Эсхатология на Руси эволюционировала от древнейшей внезапной роскоши к нараставшей скудости. Тому способствовали две особенности древнерусского общества. С одной стороны, верность православным канонам, все строже контролируемая. Тут не пофантазируешь. Эсхатологическая тематика на Руси не вышла за пределы церковной. С другой стороны, любовь к земному, усиливавшаяся с течением времени и особенно в XVII в. Потусторонним миром соответственно интересовались все меньше.

Исключение составляет "Пентатеугум". Его автор - Андрей Белобоцкий, польский шляхтич, поступивший на русскую службу, перешедший в православие, но неоднократно обвиненный в ереси.

"Пентатеугум" составлен в середине 1690-х гг., "на русском диалекте". Это довольно большое стихотворное сочинение из пяти "книг", 166 "песен" о смерти, страшном суде, рае, аде, а также о суете человеческой жизни. "Пентатеугум" резко выделялся свободой эсхатологических картин, открыто индивидуальным подходом к эсхатологии.

Ад был изображен как дрянной городишко. К нему ведет перевоз через реку. Людей "хватают, садят в лодку Ахерона". Стоят "караулы при порогах" с приставами (*Горфункель А.Х. "Пентатеугум" Андрея Белобоцкого. (Из истории польско—русских литературных связей) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.;Л., 1965. Т. 21. С. 52*).

Отворяются городские крепостные ворота, "у ворот гостей стречают ведьмы". Внутри града скачут мегеры и химеры. Приставы ведут людей "в двор сатаны", люди подсматривают в щели забора, видят дома языческих богов (*52–54, 57*).

Во дворе и городе - "окна", своего рода люки на земле, ими покрыты "ямы", пещеры, пучины. Когда "окна" раскрывают,- скрипят ржавые крюки. В "ямах" развернута бурная деятельность. В "окно" выскакивают искры. "Гремит стрельба, пуле летят, шум, дым под небо самое". "Ломят молотами" (*53–54, 56*).

Ад напоминает фабрику, завод. На подобную ассоциацию наводит сам автор:

... таковой пламень воздает,
На заводах тако страшный железный огнь не бывает (*54*).

Оттого в аду много орудий, приспособлений, чаще железных: "Печи, и ледники, и крюки", "веревки, цепи, вериги, кнуты, пилы и топоры, ножи, мечи" и пр. (*52–53*).

Одновременно ад - это некое мясное производство. "Огня много зело, кругом горшков под котлами", "рожнов много, и сковород, бань, печей розженных, бритв острых, кипящих вод". Автор снова сам подсказывает ассоциацию: "Телеса с душами варят... Жир плывет, что з лавок мясных" (*54, 56*).

Людей заставляют обжираться, как в корчме или как на пирушке. Питье и закуски отвратительные:

В рот им лиют место вина кисель дехтяной довольно.

. . . .

Порчь сподобие подливка на их преславней пирушке.
Чрево мышей им закуска, черви, пауки, легушки.

Дело кончается дракой:

Всяк суседу творит пакость, не могут на ся смотрити,
Рвут ся, дерут и кусают, ранами ся уязвляют.
Беси з угла поглядают, з драки ся их улыбают (*55*).

Рай же, напротив, это столичный город. Автор так и называет рай: "Что возвещу о столицы победоносцов Христовых?" (61). В раю разъезжаю кареты знати:

Столько солнцов с коретами с златыми ту увидиши.
Столько князей тысящами многими в небе сочтеши.
Столько дворян, полководцов... (*40*).

В городе "златыи площади, и дворы, переулки, и улицы, и гульбище" (*59*).

"Пентатеугум" написал горожанин и для горожан. "Пентатеугум" не предвосхитил литературу Нового времени, но уже отделился от средневековой русской литературы.

Подведем итог. Эсхатология началась со внезапного расцвета. Однако ранняя зрелость сменилась долговременным усыханием. Эсхатологические темы были постоянными, но третьестепенными, их значимость неуклонно уменьшалась в литературе. Древнерусская литературная эсхатология пополнялась только переводами или переделками зарубежных произведений, оставаясь на Руси несколько чужеродной, экзотической темой. В широкое общественное обращение вошли лишь немногие примитивные сведения. Подобный тип развития можно определить как затухающий, непродуктивный.

Предложенный нами обзор все-таки поверхностен, описателен. Только более глубокое исследование эсхатологии приведет к определению ее истинного литературного значения.